

"АЙМЕК-ГУАРУЗИМ" - FONDATION ROSENTHAL

Низкий сюжет о "творце и деньгах" требует монументальной формы, статьёй здесь не обойдешься. "Я бы написала чудесный роман: [...] - о любви *богатого* к бедной, *еврея* к русской, *банкира* - к поэту" - мечтала тонувшая в пражском "земном быту: грязи, невылазности, скверном климате" Марина Цветаева¹. "Богатый еврей-банкир" из цветаевского письма - парижский миллионер-филантроп Леонард Розенталь. "Так зовут Дьявола. (Мастер Леонард), - продолжала Цветаева. - Знает ли он, что так зовут Дьявола? На шабашах. Если не знает - когда подружусь - расскажу. Я непременно хочу с ним подружиться, особенно если ничего не даст"². Дьявол-Банкир, конечно, денег не дал - несмотря на цветаевское "пророчество, нет - предчувствие Розенталя" еще 1917 года:

"Аймек-гуарузим - долина роз.

Еврейка. Испанский гранд...

Это у меня стих такой есть ... - (Знает ли он, что он Аймек-гуарузим?)"³.

Кажется, Поэт и Деньги - две вещи несовместные...

Вместо романа - реальный комментарий к дневникам⁴.

Академик Владимир Иванович Вернадский (1863-1945) хорошо известен как один из основоположников современного экологического мышления. Часть его работ, заложивших фундамент "биосферного" видения мира, была написана и опубликована по-французски во время пребывания ученого во Франции в 1922-1925 гг. Совсем недавно изданы дневники академика этого периода⁵. Всего две их короткие записи посвящены истории взаимоотношений Вернадского и "Фонда Розенталя" - единственной организации на Западе, взявшей спонсировать реализацию идей русского ученого об исследовании живого вещества планеты. Их и прокомментируем.

ЧЕМОДАНЫ ВЕРНАДСКОГО

В первых числах июня 1922 г. академик В. И. Вернадский вместе с женой и дочерью покидал Россию. На петроградском вокзале его провожали старейшие ученики - академик А. Е. Ферсман и Е. Д. Ревуцкая. "Ал. Евг. [Ферсман] смеялся, - вспоминала жена Вернадского Наталья Егоровна, - что с таким количеством багажа люди не уезжают на короткое время". И далее простодушно поясняла: "Багаж был не велик, т. к. 2 чемодана были наполнены рукописями и книгами"⁶. Преданная спутница мужа на протяжении полувека, Наталья Егоровна явно лукавила: Ферсман, один из ближайших сподвижников Вернадского, прекрасно знал о давнем желании академика постоянно работать за границей, а увидев, что уезжавший на несколько месяцев Вернадский увозит самое важное - материалы книги о живом веществе, понял, что планы на возвращение весьма неопределенны.

Несмотря на большевистский переворот, и после 1917 года русская научная элита - академики продолжали интенсивно ездить за границу и вплоть до конца 1920-х годов всегда возвращались на родину. Феномен научного "невозвращения" заявил о себе с эпохой Великого Перелома. Однако сколько продлится "научная командировка"⁷ в Европу В.И.Вернадского и не превратится ли она в эмиграцию, не знал и сам ученый. Обстоятельства его отъезда за границу были весьма необычны, о них ниже. Официально академик направлялся "в Германию, Австрию, Англию и Францию сроком на 4 месяца"⁸, реально - прежде всего во Францию по приглашению Сорбонны, ректор которой математик Поль Аппель в письме от 6 декабря 1921 г. предложил Вернадскому прочитать курс лекций по геохимии.

Все годы гражданской войны В.И.Вернадский провел на Белом Юге: в ноябре 1917 г. ему - члену ЦК конституционно-демократической партии и Временного правительства России (товарищ министра народного просвещения) - ввиду неминуемого ареста пришлось бежать из большевистского Петрограда; обратно он вернулся только весной 1921 г. События русской Смуты привели

либерала Вернадского, как многих русских интеллигентов, к кардинальной переоценке своих политических взглядов. Все прошлое было сожжено им без следа. "Я отхожу совершенно от русской общественной и политической жизни, хочу переселиться в Англию, вероятно, потом в Америку," - писал он своему старому другу И.И.Петрункевичу весной 1920 г. из Крыма⁹. Отказ от политической активности в пользу исключительно научной работы был продиктован не только соображениями "высшего" научного порядка, но и горьким разочарованием в результатах этой многолетней деятельности. Страницы дневников Вернадского за 1917-1921 гг. наполнены самыми жесткими и презрительными характеристиками как "народа", не сумевшего по достоинству оценить возможные блага грядущей демократии, так и интеллигенции, не обладавшей волей реализовать задуманное.

Свою личную программу Вернадский однозначно сформулировал еще весной 1918 г. в оккупированной немцами Полтаве: "Надо найти и нахожу опору в себе, в стремлении к вечному, которое выше всякого народа и всякого государства. И я нахожу эту опору в свободной мысли, в научной работе, в научном творчестве"¹⁰.

Время скитаний (Полтава, Киев, Ростов, Симферополь и др.) - оказалось научно очень плодотворным: "В это страшное время, - признавался Вернадский в том же письме, - как это ни странно, я живу в совершенно другом мире и в течение почти трех лет нахожусь в состоянии почти непрерывного научного творчества и вдохновения. Мне кажется, в двух областях - и в геохимии и создаваемом мною учении о живом веществе, мне удалось достигнуть новых крупных обобщений"¹¹.

ДЕМОН СОКРАТА

Изучением живого вещества - "совокупности организмов, участвующих в геохимических процессах" - Вернадский, минералог по прямой научной специальности, стал интенсивно заниматься с 1916 г. и с этого момента считал его

"делом жизни". Свою крымскую рукопись "Мысли о живом веществе" (1920) он начинает словами из Генрика Ибсена: "...Я борюсь за свою жизненную задачу; в которую непоколебимо верю и которую, знаю, Бог возложил на меня"¹². Этот теологический мотив - достаточно неожиданный для минералога-систематика, всегда настаивавшего на строгой эмпиричности своей работы, - особенно прочно укоренился в эпистолярной В.И.Вернадского с зимы 1920 г., после того, как в Крыму ему было видение.

Болея тифом, он пережил "глубоко счастливый период ... сознания. Моя мысль и фантазия непрерывно в образах и исканиях работали в области тех же самых дорогих мне ... идей, причем они были прорезаны одновременно пучком новых переживаний религиозно-философского творчества ... перед моим взором протекла вся моя будущая идейная жизнь до самой моей смерти"¹³. Едва оправившись от болезни, 11 марта 1920 г., Вернадский записал в дневнике: "Я ясно стал сознавать, что мне суждено сказать человечеству новое в том учении о живом веществе, которое я создаю, и что это есть мое призвание, моя обязанность, наложенная на меня, которую я должен проводить в жизнь - как пророк, чувствующий внутри себя голос, призывающий его к деятельности. Я почувствовал в себе демона Сократа. Сейчас я сознаю, что это учение может оказать такое же влияние, как книга Дарвина, и в таком случае я, несколько не меняясь в своей сущности, попадаю в первые ряды мировых ученых"¹⁴. С этого момента вся жизнь Вернадского была подчинена исполнению Миссии.

Все то же видение подсказало ему, как ее реализовать - создать международный "огромный институт для изучения живого вещества", который в грезах академика являлся "типом тех новых могучих учреждений для научной исследовательской работы, которые в будущем должны совершенно изменить весь строй человеческой жизни, структуру человеческого общества"¹⁵.

Последнее замечание неслучайно и приоткрывает одну из важных составляющих создававшейся Вернадским в те годы новой Натурфилософии¹⁶ - ее футуристически-социальную направленность¹⁷. В отличие от второй половины 1930-х годов, когда ученый употреблял притягательное для "непосвященных", но социально-аморфное, понятие "ноосфера", в ранние послеоктябрьские годы он

высказывался о будущем человечества значительно конкретнее. Исходное положение социальной доктрины формулировалось предельно откровенно в дневнике 1920 г.: "Я не принимаю основного - равенства всех людей"¹⁸. Из признания этого факта Вернадский делал и практический вывод: "Необходим какой-то такой строй жизни, при котором это неравенство принималось бы как что-то само собою разумеющееся и не сознавалось бы как таковое". Демократия как форма государственного устройства отвергалась: "Она неизбежно давит свободную человеческую личность"¹⁹. Будущее человеческого общества, или "социальной организации живого вещества", Вернадский связывает с биологически Новым Человеком - "уже не Homo sapiens, который в своем существовании будет не зависеть от других организмов (например, в пище от растений и животных)" и, может быть, "выйдет из Среды других людей, как выходили новые виды животных, причем часть людей останется низшей формой"²⁰. Выделив в структуре живой материи созидательное "активное меньшинство", или "ростки будущего, которые не связаны ни с одним строем", Вернадский горестно констатирует: "Много из них гибнет жертвой долга и случайности и эта гибель гораздо страшнее смерти тысяч безразличных людей или всего того шлама, который всплыл сейчас на поверхность"²¹. И далее прямо называет наиболее перспективную с его точки зрения форму общественного устройства - "аристократическое управление людей науки"²². К 1931 г., в унисон с эпохой, эта формула трансформируется в стилистически более законченное утверждение: "Впереди время науки - царство крупных диктаторов-ученых"²³.

15 мая 1922 г., накануне своего отъезда во Францию, Вернадский сделал примечательную запись: "Совет Лиги Наций (Société des Nations) организовал Commission из 12 членов "Chargée d'études les questionnes internationales de coopération intellectuelle" (Bergson, Curie Sklodowska, Einstein). Русского нет..."²⁴. С работой этой комиссии Вернадский, несомненно, связывал свои далекоидущие планы по созданию мировой организации интеллектуалов - будущих "властелинов" мира: "Сейчас время подходит к единению людей, которые понимают и думают о происходящем одинаково и иначе, чем многие, ведущие сейчас"²⁵. И это была еще одна тайная движущая сила его стремления уехать на Запад.

БРЕШИ

Еще до приглашения П.Аппеля В.И.Вернадский начал ходатайствовать перед Российской Академией Наук о заграничной поездке, аргументируя это необходимостью работы в европейских библиотеках для завершения книги "о влиянии живого вещества на химические процессы земной коры"²⁶.

Письмо из Сорбонны пришло как нельзя кстати и многоопытный главный администратор Академии наук, ее неперемный секретарь и личный друг Вернадского С.Ф.Ольденбург немедленно воспользовался им. Направляя документы Вернадского в Комиссию Наркомпроса по рассмотрению ходатайств о заграничных командировках под председательством замнаркома просвещения М.Н.Покровского, Ольденбург акцентировал прежде всего внешнеполитическую, а не научную, значимость поездки Вернадского: "Для наших сношений с заграницей такие чтения лекций русскими учеными в иностранных университетах будут крайне полезны. В стене между нами и иностранной наукой уже пробиты бреши, начинается нечто более нормальное и желательно его укрепить"²⁷. Расчет оказался точным и, несмотря на казалось бы "невыездную" биографию Вернадского²⁸, уже 24 декабря 1921 г. Комиссия вынесла вердикт - пущать²⁹.

В отличие от Нобелевского лауреата, физиолога И.П. Павлова, большевистские руководители не только не препятствовали командировке Вернадского, но даже выделили "соответствующие средства на расходы". 17 февраля 1922 г. начальник Финансово-счетного управления Наркомата внешней торговли Ветчинкин информировал НКВД, что "на расходы по финансированию заграничной командировки ... профессора В.И.Вернадского будет отпущена иностранная валюта по действующим нормам по поручению и за счет НКП"³⁰.

Единственным препятствием для быстрого отъезда стало желание академика уехать с *семьей* - женой и дочерью. Институт заложников, продемонстрировавший свою высокую "эффективность" в годы гражданской войны, на протяжении всей советской истории оставался самым надежным

средством управления интеллигенцией. Но и его удалось преодолеть Вернадскому. Более того, когда Наркомат иностранных дел потребовал представить "партийное поручительство" за уезжающих, то его дали одни из самых высокопоставленных большевистских ортодоксов-"гуманитариев": печально известный интеллигентофобией историк М.Н.Покровский и ректор Коммунистического университета им. Я.М.Свердлова В.И.Невский. И хотя мы не располагаем прямыми свидетельствами мотивации их решения, по ходу дальнейших событий можно представить, что была она у этих большевиков взаимоотноположенной. Объединяла же точка отсчета. И Невский, и Покровский, в отличие от многих ученых коллег Вернадского, быстро почувствовали возможные социальные следствия философской начинки его естественнонаучных работ начала 1920-х годов и сделали для себя выводы. Дальновидный Покровский, понимавший, что большевистская культурная экспансия есть мощное средство влияния на западное общественное мнение и подбиривший к тому же ключи к "большой" Академии, увидел в позиции Вернадского - оставаться "над" схваткой - залог будущего сотрудничества с властью при обеспечении ученому его "участка тождества" и стал покровительствовать. Невский же, одной рукой подписывая "положительную характеристику" Вернадского, другой, совершенно синхронно, "расстреливал" академика - идеалиста и виталиста - на страницах журнала "Под знаменем марксизма", явно подготавливая дополнительную каюту известного "философского парохода"³¹.

Одна и та же логика классовой борьбы одному коммунисту подсказывала необходимость сохранить и использовать "спеца", другому - расстаться с ним. В начале 1920-х Власть, только что победившая в гражданской войне и не обретшая организационную и идеологическую монолитность, еще позволяла своим согражданам выбирать "варианты судьбы" и на всякий случай Вернадского отпустили.

ПАРИЖ

В Париж Вернадские приехали 8 июля 1922 г. Почти месяц они провели в Праге, где жил их сын историк Георгий Вернадский (1887-1973), эвакуировавшийся вместе с врангелевскими войсками в ноябре 1920 г. из Крыма. Это была первая встреча всей семьи после долгой разлуки. Вскоре они опять расстались: младшая дочь Нина (1898-1986), "вывезенная" отцом из России, осталась в Праге.

Поначалу Вернадские поселились у своей старой знакомой, одного из "столпов" парижской русской эмиграции А. В. Гольштейн, затем сняли небольшую квартирку на rue Toullier, 7, рядом с Сорбонной.

На следующий же день после приезда Вернадский встретился со своими старыми знакомыми - французскими минералогами Альфредом Лакруа (1863-1948) и Луи Жантилем (1868-1925), еще через день - с ректором Сорбонны П. Аппелем. "Встретили меня очень дружески, - сообщал Вернадский сыну. - Жантиль сообщил мне, что я буду получать ежемесячно 1000 франков от М.И.Д. (fonds de propagande - на развитие культурного влияния Франции, по-видимому) и я получил уже до ноября и сверх того некоторую сумму от Парижского Университета. Лакруа сообщил мне, что я имею получить un petit somme от Парижской Академии Наук, которая, по его предложению, присудила мне за мои работы какую-то премию"³². Французские коллеги сразу пообещали Вернадскому устроить его статьи в журналы, а, главное, предложили издать на французском языке книгу его лекций по геохимии, прочитанных в 1921 г. в Российской Академии Наук³³; за статьи и книгу ученый должен был получить гонорар.

Сердечность приема обрадовала и смутила академика одновременно, он писал сыну 11 июля: "Они делают больше, чем можно было себе представить и я чувствую даже себя неловко. Во-первых, мне для работы представляют все, что я хочу: если нужно заказывать приборы, доставать материалы и т.д. - все в пределах лабораторных средств. Затем Парижская Академия Наук присудила мне за мои работы большую премию - премию Вальяна; она должна была бы быть выдана только в ноябре, но устроено так, что я уже сегодня ее получил - это 4 000 франков. Затем сегодня мне сообщили, что вчера Совет Парижского

Университета постановил о выдаче мне 2 000 fr. [...] Я смущен чувствовать себя в положении “знаменитого” ученого - но с другой стороны сознаю, что это обязывает и что, может быть, для России хорошо, когда проявляется такое отношение к ее представителям”³⁴.

Столь теплый и щедрый прием Вернадскому был оказан не случайно. Начало XX в. стало периодом интенсивного развития русско-французского научного сотрудничества³⁵. Многочисленные избрания в Петербургскую Академию наук французских математиков, физиков, астрономов и др. наглядно подтверждали стремление части российских академиков преодолеть традиционную “прогерманскую” ориентацию русской науки. Внутри Петербургской Академии наук влияние собственно “германской партии”, доминировавшей в АН на протяжении первых полутора веков ее истории, известной своими “антирусскими” пристрастиями при выборе новых сочленов и ассоциировавшейся с право-консервативными, часто антисемитскими, общественно-политическими взглядами, ощутимо вытеснялось в начале века “патриотической” и франкофильской, ориентированной на республиканско-демократические ценности группой академиков-кадетов, среди которых был и В.И.Вернадский.

Его личные научные и дружеские контакты с французскими учеными восходили к 90-ым годам XIX в.; с тех пор он неоднократно приезжал во Францию и публиковал свои работы во французских научных изданиях³⁶. С 1910 г., когда Вернадский впервые побывал в Радиевой лаборатории, началось его сотрудничество с М.Кюри³⁷. С А. Лакруа Вернадский познакомился работая у Ф. Фуке в Коллеж-де-Франс в 1898 г. и затем поддерживал многолетнюю переписку. В последующие годы Лакруа сделал блестящую карьеру: в 1904 г. стал членом Парижской Академии наук, а в 1914 г. одним из двух ее неперменных секретарей. При непосредственном участии Вернадского, одного из авторов представления, в декабре 1909 г. Лакруа был избран иностранным членом-корреспондентом Петербургской Академии наук по физическому разряду³⁸. Профессор минералогии, он руководил лабораторией в Национальном музее естественной истории (Museum d'Histoire Naturelle), где Вернадский занимался в 1922-1925 гг.

После окончания первой мировой войны европейское научное сообщество пыталось наладить прерванные связи, которые часто восстанавливались раньше и вне прямой зависимости от наличия собственно дипломатических отношений между странами. Казавшаяся многим спасительной идея "общей мировой организации ученых", "Европейского union intellectuel" прочно заняла место в умах ученых, многие из которых были не чужды и большой политике. Впервые в мировой истории XX век обнаружил, что научные, образовательные, культурные связи и контакты могут быть более эффективным и глубинным средством влияния, чем бряцание оружием.

Лига Наций образовала специальную Международную комиссию по научному сотрудничеству, в которую вошли А. Бергсон (председатель), М. Кюри, А. Эйнштейн, другие известные ученые; председателем Французского общества Лиги Наций стал П. Аппель. И хотя первоначально русским ученым здесь место не предусматривалось - "победители" недальновидно изолировали "побежденных", в стане которых оказалась и Советская Россия, все же в конце 1922 г. Российская Академия Наук получила приглашение принять участие в деятельности этой комиссии³⁹. В такой конфигурации личность Вернадского персонализировала возможность "Интернационала науки", перспективу новой надгосударственной общественной силы.

"THERE IS NOT MUCH INTEREST IN RUSSIA ANY LONGER"

С ноября 1922 г. Вернадский начал еженедельные лекции в Сорбонне, но его не оставляла мысль о Миссии и создании своего Института. Казалось, что в разрушенной России или потрясенной мировой войной Европе такой институт вряд ли мог осуществиться; надежды академика обращались на "острова" - Англию и Америку.

Первые запросы о возможности устройства в Америке В.И.Вернадский сделал еще в конце декабря 1919 г.⁴⁰; параллельно, зимой 1920 г., он обратился к своему бывшему коллеге по Московскому университету, а теперь профессору

Оксфорда, историку-медиевисту П.Г.Виноградову (1863-1925) с идеей организации биогеохимической лаборатории в Англии. Виноградов быстро откликнулся, но предупреждал: “В “союзных” странах в настоящее время никакой помощи получить нельзя. [...] Что касается запросов на помощь высшего порядка вроде Вашей просьбы, то везде наталкиваешься на закрытые двери”⁴¹. Несмотря на понимание бесперспективности подобных обращений, он постоянно выступал ходатаем по делам русских ученых-беженцев и в течение 1920-1921 гг. многократно обращался к английским научным учреждениям с просьбой помочь Вернадскому, но, как и предвидел, везде получил отказ.

Основную ставку на получение собственной лаборатории Вернадский делал на далекую и богатую Америку. В его "европейском" архиве сохранилась целая папка черновиков писем, отправленных в различные американские организации⁴². В феврале 1923 г. Вернадский обратился в Институт Карнеги (Carnegie Institution), который через два с половиной месяца, 28 апреля 1923 г., за подписью президента Джона Мэрриам (J.Merriam) ответил вежливым отказом: "Фонды на работу биологов лимитированы"⁴³. Отрицательные ответы пришли из Смитсоньевского института (Smithsonian Institution) и Национального музея США (US National Museum).

Пробовал Вернадский действовать и через своих американских знакомых. По его просьбе в октябре 1923 г. историк Фрэнк Голдер (F.A.Golder) переслал "Записку об организации биогеохимической лаборатории" влиятельнейшему Вернону Келлогу (V.Kellogg), исполнительному директору Национального исследовательского совета США (National Research Council). Голдер предупреждал Вернадского: “There is not much interest in Russia any longer”⁴⁴ и оказался прав: в декабре 1923 г. пришел очередной отрицательный ответ.

К осени 1923 г. Вернадский понял, что надежд на прямое содействие американских научных институций крайне мало и просил ближайшего друга сына, М.М. Карповича, бывшего секретаря русского посла в США, заинтересовать в своем проекте "отдельных богатых лиц, может быть крупных промышленников большого размаха"⁴⁵. По-видимому, такой ход отцу подсказал Георгий Вернадский, пытавшийся в это же время в Праге организовать Институт

византологических исследований при финансовой поддержке американского миллионера Чарльза Крейна.

Но как это часто бывает, филантроп нашелся неожиданно и совсем рядом. 16 февраля 1924 г. Вернадский сообщил дочери, что в поисках возможности осуществления его проекта "Агафонов переговорил с одним своим старым знакомым, богатым евреем ("roi des perles"), Л.Розенталем, который больше 40 лет живет в Париже - своеобразный человек, сделавший большое состояние на торговле жемчугом (один из самых крупных в мире) и драгоценными камнями. И сейчас с Розенталем завязались конкретные переговоры"⁴⁶.

СТАРИК

Многие годы друг и коллега Вернадского, с которым он был на "ты", почвовед, геолог, писатель Валериан Константинович Агафонов (1863-1955) или Старик, как называли его друзья, провел в эмиграции во Франции. Здесь он создал научную школу почвоведения, под его руководством была составлена первая почвенная карта Франции и частично Северной Африки, а в 1936-1937 гг. опубликованы фундаментальные труды "Почвы Франции" и "Почвы Туниса".

Вернадский и Агафонов познакомились во время учебы в Петербургском университете. Вспоминая об их дружбе, Агафонов отмечал, что "все было против нее - различие темпераментов, семейной обстановки, среды. [...] Спаяло нас с Владимиром, несмотря на все наши различия, стремление к "правде-истине", хотя и шли мы к ней различными путями. Когда борьба обострялась и сил на все не хватало, я оставлял на время работу по "завоеванию" истины и весь отдавался борьбе за правду. Владимир же сумел, ни на минуту не оставляя своих исканий истины, был верным своей правде"⁴⁷.

"Правда" Агафопова заставила его, в 1889 г. окончившего естественное отделение физико-математического факультета по кафедре знаменитого русского почвовед В.В.Докучаева, стать действенным участником революционного движения и в 1906 г. эмигрировать во Францию, где он существовал почти

исключительно на литературные заработки и никогда не расставался с надеждой вернуться в Россию. После Февральской революции Агафонова назначили членом комиссии по изучению дел заграничной агентуры и он получил доступ к архиву канцелярии русского консульства в Париже, а вернувшись в Россию, начал работать и с материалами Департамента полиции. В 1918 г. Агафонов опубликовал книгу "Заграничная охранка", однако новому режиму его разоблачения скорее мешали и вслед за В.И.Вернадским он оказался в Крыму, где летом 1920 г., не без участия друга, был избран приват-доцентом Таврического университета. Их последняя встреча в России произошла 24/11 октября 1920 г., после чего с поручением правительства барона П.Н.Врангеля Агафонов уехал в Париж, где сразу стал заниматься и устройством вызова для В.И.Вернадского. Хорошо знавшие обоих друзья люди считали, что "пока [Агафонов] рядом, можно буквально считать, что у Владимира Ивановича есть ангел-хранитель"⁴⁸. Действительно, приглашение Вернадского в Сорбонну состоялось именно благодаря энергичным усилиям Агафонова⁴⁹.

Пока почти ничего неизвестно о характере прямых контактов между двумя русскими парижанами - Валерианом Агафоновым и Леонардом Розенталем. Определенно можно сказать, что они были знакомы как минимум с 1909 г., когда фамилия Розенталя (но без инициалов) начинает встречаться в парижских записных книжках Агафонова⁵⁰. В его же архиве сохранилось несколько записок Розенталя декабря 1915 г., свидетельствующих о каких-то совместных делах.

РОЗЕНТАЛЬ

Французский "король жемчуга" Леонард Михайлович Розенталь (1877 (?) - 1955) был выходцем из России. О своей жизни и карьере он рассказал в многочисленных романах-автобиографиях, изданных на английском и французском языках и остающихся пока единственным источником его биографии⁵¹.

По рассказам Розенталя, он приехал из Владикавказа в Париж в 14-летнем возрасте со 100 франками в кармане; поступил в коммерческую школу, работал на ювелирной бирже и у знаменитого Баккара. В 1890 г. приобрел первую жемчужину и вскоре стал удачливым торговцем. Его фирма, закупавшая драгоценные камни в арабских странах Персидского залива и Латинской Америке, фактически монополизировала торговлю жемчугом во Франции. В Париже Розенталю принадлежало также немало недвижимости: несколько кафе, кинотеатров на Елисейских полях, доходные дома. Перед Первой мировой войной его состояние оценивалось примерно в 450 миллионов золотых франков.

Розенталь охотно помогал людям искусства, учреждал писательские стипендии. Среди тех, кто в разное время охотно пользовался материальным покровительством Розенталя в Париже были С.Дягилев, Р.Киплинг, И.А.Бунин, А.И.Куприн, К.Д.Бальмонт, Д.С.Мережковский и др. Меценат и сам не был чужд сочинительству. Его первой книгой, выпущенной в 1919 г., стала "Au royaume de la perle. La perle dans l'histoire", в 1920 г. в переводе изданная в Англии и США. В 1922 г. появился следующий опус - "Au jardin des gemmes. L'Emeraude, Le Rubis, Le Saphir", вышедший несколькими изданиями (1924, 1926). Издание 1924 года было просто роскошным: 2250 пронумерованных экземпляров с 12 цветными иллюстрациями знаменитого художника Леона Карпе (Leon Carpe), отпечатанных на очень дорогой бумаге "Japon". В том же году Розенталь выпустил своего рода учебное пособие - "Faisons fortune", а еще через год - книгу "L'esprit des affaires. Réflexions d'un commerçant", содержащую много автобиографических сведений, в том числе о драматической судьбе евреев в царской России. Несмотря на успешный бизнес и громкое имя, чувство зыбкости, неустойчивости своего положения, по-видимому, не покидало Розенталя и название его следующей книги, вышедшей в 1928 г., - "Quand le bâtiment va" - обнаруживало это.

Судьба, заключенная в круг памяти и предчувствия, руководила филантропической деятельностью Розенталя. Его могучий темперамент постоянно требовал защиты гонимых и расширения поля активности. Вместе с А.Франсом и К. Жювенель он организывает в Сорбонне митинг в защиту армян, пострадавших от турецкой резни; пытается привлечь М.Кюри для организации

Институтов по борьбе с раком во всех крупнейших столицах мира. В годы гражданской войны в России, наряду с П.Аппелем, Л.Барту, Ш.Дюма и др. известными французскими учеными и общественными деятелями, Розенталь становится членом Попечительского совета парижского Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции (Comité de Secours aux écrivains et savants Russes), одним из руководителей которого был и В.К.Агафонов⁵². После войны он за свой счет содержал во Франции 100 русских детей-сирот и чтобы дать им начальное техническое образование создал специальную Ecoles Rachel. С помощью известного математика и политического деятеля Поля Пенлеве Розенталь пытался подключить к этой инициативе французское правительство и организовать подобные школы по всей стране, но потерпел неудачу. Так или иначе все 1920-ые годы Розенталь активно поддерживал гонимых - русских беженцев, эмигрантов; когда же в конце 1920-х к нему обратилось советское полпредство во Франции с предложением участвовать в продаже драгоценностей Екатерины II, он сразу отказал⁵³. К 1927 г. благотворительной поддержкой Розенталя было охвачено более 20 000 человек. Крест Почетного Легиона стал достойной наградой меценату.

FONDATION ROSENTHAL

Идея расширения частной материальной поддержки научных исследований приобрела во Франции первой четверти XX века оттенок национально-патриотического порыва. Первая мировая война отчетливо показала, что технологическое отставание страны равносильно потере ее геополитического значения. Однако главным источником финансирования французской науки продолжало оставаться государство и даже в 20-ые годы, наиболее благоприятные для французской экономики, расходы на научные исследования в расчете на одного жителя во Франции были в 5 раз ниже, чем в Германии⁵⁴. Французские ученые, многие из которых были известными политиками (П.Пенлеве, Э.Борель и др.), сами выступили инициаторами широкого общественного движения в

поддержку науки. В 1922 г. был проведен "День Пастера" - акция общественной подписки в пользу развития исследований, собравшая 12 миллионов франков, переданных Академии наук. Известный математик и влиятельный политик Эмиль Борель предложил целый ряд различных форм налогов ("на ученичество", "научные исследования"), "займов чести", которые также должны были направляться на поддержку науки. Профессор медицины Шарль Рише предлагал отчислять 1 % с оборота в отраслях, обязанных своим развитием успехам науки, в пользу ученых как вознаграждение. Наконец, движение за "права ученого" - право автора фундаментальных открытий на часть прибыли от использования результатов его исследования - возглавил также французский публицист А.Клотц, поддержанный А.Эйнштейном, П.Аппелем, М.Кюри и др.⁵⁵

Частные фонды и пожертвования играли большую роль в создании во Франции собственно исследовательских организаций. Так, Пастеровский институт был создан на средства частной подписки, Океанографический институт - на пожертвования принца Монакского, лаборатория П.Кюри смогла расшириться за счет субсидий фонда Карнеги, а Институт им. Пуанкаре был основан на средства Международного фонда Рокфеллера. На базе Фонда помощи научным исследованиям, организованного Э.Ротшильдом, возник Институт физико-химической биологии⁵⁶; по его же инициативе в 1920 г. был создан Фонд Кюри во главе с П. Аппелем.

Леонард Розенталь имел обширные связи среди французских ученых. Он помогал материально Институту М.Кюри; дружил с физиком Жаном Перреном и будущий Нобелевский лауреат 1926 года даже изготовил для него установку по различению натурального и искусственного жемчуга⁵⁷.

"Частная филантропия в авангарде социального прогресса" - так формулировал сам Розенталь свою идеологию меценатства и дважды в месяц устраивал завтраки, на которых вместе с крупнейшими французскими учеными (М.Бертло, Ж.Юрбэн, М.Кюри, Ж.Перрен и др.) обсуждал научные проблемы⁵⁸. По версии Розенталя, идея учреждения "Фонда Розенталя по созданию научных лабораторий" как раз и возникла на этих "научных ланчах" и при содействии Ж.Перрена была поддержана французским правительством⁵⁹.

Предполагалось, что Розенталь жертвует в Фонд до миллиона франков в виде акций его предприятий по добыче жемчуга, дивиденды по которым позволяли финансировать отдельные научные работы по усмотрению Комитета Фонда. Таким путем фонд получал больше, чем давали бы ему просто доходные бумаги, однако и существовать он мог только до тех пор, пока работали предприятия Розенталя. В свою очередь Комитету Фонда принадлежало право выбора конкретных ученых, на поддержку исследований которых выделялись средства Фонда. По свидетельству В.И.Вернадского, эта идея была предложена Э.Борелем: "conserver les servans - важны люди, а не камни (лаборатории)"⁶⁰. Комитет Фонда возглавил известный востоковед-индолог Сильвен Леви (1863-1935), в состав вошли физики П.Ланжевэн и Ж.Перрен, психиатр Ж.Дюма, биолог Ш.Ришэ, астроном Д.Бертло и др., в том числе и В.К.Агафонов.

Собрав мощную и представительную "команду" ученых, не лишенный тщеславия Розенталь, конечно, надеялся, что и на поле научной благотворительности он будет первым и *его* Фонд затмит аналогичную организацию Э. Ротшильда. В воспоминаниях он с заметной ревностью утверждал свое первенство, замечая, что Ротшильд только копировал его⁶¹. Однако успешно начинавшееся дело особого успеха и резонанса не имело и совсем не случайно в мемуарах Розенталь едва упоминает о Фонде и уж совсем ничего не говорит о его первом "лауреате" В.И.Вернадском.

Между тем, история становления Фонда Розенталя, вырисовывающаяся из писем Вернадского, несколько отличается от версии мецената. Следуя канве своего "автобиографического мифа", Вернадский утверждает, что именно его проект стал прецедентом для создания Фонда; по словам Вернадского, Розенталь в разговоре с ним сообщил, что "Агафонов попал в точку, он как раз хотел сделать что-нибудь для "химии" - в ней ничего не понимая - но через своего друга С.Леви ... созовет французских ученых и обсудят мой проект"⁶². В другом письме Вернадский уточнял: "После обеда Розенталь сказал, что он давно имел идею создания большого института, гл. обр. прикладного, увидел, после войны и падения денег, что это не по средствам - а затем явился Monsieur (я) со своим проектом и он собрал, чтобы обсудить мое - и другие предложения - если явятся и

хочет дать от 500 000 до 1 мил., хотел бы постоянное учреждение, но не настаивает"⁶³.

Концепция проекта Вернадского по организации биогеохимической лаборатории сохранилась в его архиве в двух вариантах - расширенном и сокращенном. Первый вариант - 9-ти страничный машинописный текст по-французски - имел название "Sur la nécessité d'organisation d'un laboratoire biogéochimique" и пометку "Париж, январь 1924"⁶⁴. Второй - два рукописных листочка черновика - "Геохимический Институт или Биогеохимическая лаборатория" с припиской "имени жертвователя" и пометой Вернадского "1924 П Розенталю"⁶⁵, имел значительно более конкретный характер и, по-видимому, предназначался непосредственно прагматичному Розенталю.

Вернадский предлагал два пути реализации проекта: учреждение фонда имени Розенталя при Парижской Академии Наук (или других французских научных учреждениях) для окончания в 2-3 года определения состава живого вещества или организацию постоянного геохимического института при одном из больших французских государственных учреждений (например, при Музее естественной истории). В Записке специально акцентировалось внимание на международном характере деятельности будущего института, его автономии, оговаривались и права жертвователя. Задачу Института Вернадский формулировал как "выяснение количественного и качественного состава живых организмов, растительных и животных, морских и наземных". По калькуляции, сопровождавшей Записку, предусматривалось ежегодное обеспечение института в 80 000 франков и оговаривалось, что на начальное оборудование необходимо дополнительно 150-200 000 франков. Штат института состоял всего из 3-х сотрудников, на оплату которых требовалось 54 000 франков в год. Таким образом смета на 1 год составила 257 000 франков, на два - 414 000, на три - 571 000 франков.

ВСТРЕЧА

С таким планом Вернадский пришел на первую встречу с Розенталем 14 февраля 1924 г., которая состоялась в конторе "короля жемчуга" на Rue de Lafayette, 18. "Очень странное впечатление делового муравейника (чисто еврейского - он ввел в дело всех своих родственников) среди разговоров на всех языках - главным образом русском и французском, - описывал Вернадский контору своего мецената в письме дочери. - В двух больших залах толчется, бегают народ - за маленькими столиками оцениваются, осматриваются, продаются, покупаются драгоценности, звенит телефон и все время на ногах Л.Розенталь (хорошо говорящий по-русски). С ним мог говорить несколько минут. [...] Сегодня я получил приглашение к нему на обед на понедельник 25 II и тогда выяснится вопрос". Из этого же письма следовало, что Вернадский весьма опасался конкуренции коллег: "могут встретиться тормозы со стороны французов-химиков, которые могут пожелать воспользоваться этими деньгами" - и просил дочь: "Об этом деле, о котором я пишу, пока никому, кроме своих (Георг. и Н.П.) не говори"⁶⁶.

25 февраля 1924 г. в особняке Л.Розенталя состоялся обед, положивший начало деятельности Фонда. "Дом Розенталя, - описывал Вернадский в письме дочери, - дворец - на улице Рюксаля! Убранство соответствующее. С огромным вкусом и особой, не показной роскошью. Настоящие картины старых школ - немецкие или голландские примитивы, в нише великолепная китайская статуя одной из "божеств" буддизма - богиня милосердия VIII-го столетия - "сокровище", по словам, Сильвена Леви. В зале орган - жена музыкантша. За обедом были - жена и сын Розенталя - затем Перрен, Вейсс, Ланжевен, Лакруа, Жантиль, Юрбан (химик), Борель (математик), Готье (издат. R. Sc. и R. Blau.), Агафонов, Сильвен Леви и еще несколько мне неизвестных лиц. Председательствовал друг Сергея [Ольденбурга] Сильвен Леви, который очень меня поддерживал"⁶⁷.

Академик-индолог Сергей Федорович Ольденбург был неперменным секретарем Российской Академии наук с 1904 г. Он многократно бывал во Франции и в свою очередь более 30-ти лет дружил "домами" с Сильвеном Леви; их отношения носили настолько доверительный характер, что именно через Леви

Ольденбург поддерживал связи (в том числе и материальные) со своим сыном - эмигрантом и ярким антисоветчиком, жившим с семьей во Франции.

Поддержка Леви, известного русофила, оказалась едва ли не решающей для Вернадского. "Мне пришлось защищать свой план, - писал он. - Дело в том, что значительная часть приглашенных были физики и у них был проект какой-то физической работы и старый профессор Вейсс⁶⁸ приехал для этого нарочно из Страсбурга. Вейсс хороший ученый - эльзасец - автор теории магнетизма. Но этот план не выдвинулся и мне кажется, мне удалось заинтересовать своей работой, которая, однако, представляется всем страшно медленной и трудной".

Настроение Вернадского после этого заседания было откровенно победным: "Первым выбранным лицом, вероятно, буду я - видно из всего. После заседания Розенталь сказал мне по-русски - "я надеюсь, Ваше дело устроено"⁶⁹. Предполагалось, что Вернадский будет получать около 60 000 франков в год в течение трех лет с перспективой дальнейшего пролонгирования финансирования проекта. Следующее заседание Комитета Фонда намечалось на 11 марта в лаборатории Л.Жантиля в Музее естественной истории, где должен был быть окончательно выработан Устав фонда.

Однако поначалу многообещающе развивавшееся дело стало приобретать все более неопределенные очертания. После заседания Комитета Фонда 26 марта, на котором Вернадский "по совету французских друзей" не присутствовал, выяснилось, что помимо Вейсса русский ученый имеет более весомого "конкурента": Ш.Ришэ и Э.Борель выдвинули проект помощи молодым французским ученым. Да и сам Розенталь, по словам Л.Жантиля, переданными Вернадскому, "несколько смущен вероятным моим выбором, что он хотел сделать для науки французской, а получает между тем первым деньги русский, что м[ожет] б[ыть], неудобно так как Р[озенталь] русский по происхождению"⁷⁰. И к концу марта Вернадский уже рассчитывал только "получить на 2-3 года по 30-40 000 fr. Это не много, но можно работать"⁷¹.

С каждым днем весны сумма "гранта" неумолимо таяла, а окончательное решение о выделении средств постоянно откладывалось. 30 апреля, наконец, были приняты принципиальные организационные решения. Средства Фонда

делились на две части: одна (30 000 fr.) целиком предназначалась конкретному исследователю; другая дробилась на несколько частей для различных целей. И, главное, было зафиксировано, что средства Фонда могут выдаваться иностранцам, работающим во французских лабораториях. "Вопрос о[бо] мне подымался, - сообщал Вернадский детям, - и по мнению А[гафонова] ясно, что общее настроение в мою пользу"⁷².

5 июня 1924 г. Вернадский получил окончательно заверения, что ему выделено 30 000 франков на один год и остались какие-то пустые формальности: "По словам Агафонова, возражений почти не было, кто-то - из неизвестных Агафонову - возражал против предоставления первого назначения иностранцу, но ему возражал Ш.Ришэ; защищал мою мысль, как и раньше, химик Urbain"⁷³. В тот же день, в дневнике, Вернадский констатировал: "Из большого начинания получилось небольшое. Смогу ли чтонибудь сделать? По-видимому, мои друзья думают, что с такими небольшими средствами я в год ничего не смогу. [...] Надо теперь все это обдумать и работать систематично. Достать средства на анализы - как только выйдет моя Géochimie"⁷⁴.

ЗАВЕТНЫЙ КРУГ

Кажется, мало кто из коллег, даже питавших самое глубокое уважение к Вернадскому, понимал, что именно он хочет и собирается делать на деньги Розенталя.

Почти мистическое "Чувство Порядка Природы - отсутствия Случая и Хаоса как основ космоса", пронизавшее "Геохимию", изданную по-французски в 1924 г., еще более охватило Вернадского в работе по определению влияния живого вещества на земную кору. Он утверждал, что в биогеохимии все решается числовыми соотношениями и здесь возможна и необходима такая же большая и новая область теоретического математического построения, как в физике. Строгость и красота эйнштейновой $e=mc^2$ не давала покоя Вернадскому, искавшему точных пропорций в природных телах: "Я нахожу правильности и законности в размножении живых организмов и имею возможность выразить это

размножение единым образом, сравнить количественно между собою по этой способности разные организмы, думаю, все организмы"⁷⁵. В письме одному из своих ближайших учеников и единомышленников киевскому ученому Б.Л.Личкову он утверждает, что "размножение организмов представляет в механизме биосферы процесс астрономической точности. Можно его вычислить до конца и вычислять в связи с массой и движением и размерами так же точно, как вычисление планет"⁷⁶. А раз можно вычислить, значит можно найти магическую формулы жизни, точнее, распространения жизни на земле.

И всю осень 1924 - весну 1925 г. Вернадский вычисляет: "Были дни, когда я вычислял буквально сплошь днями"⁷⁷. Позднее он признавался, что плохо владел техникой математических расчетов и потому тратил на них слишком много времени, не будучи уверенным к тому же в точности результатов. Но все перекрывало предчувствие открытия тайны, доступной лишь посвященным; его письма тех лет скорее напоминают "послания" жреца, античного мистагога, шамана, чем корреспонденцию естествоиспытателя XX века: "Я весь ушел ... в работу над живым веществом и все у меня отошло на второй план и мысль, все углубляясь, захватила эту область, вошла в новое и мне кажется такое большое и важное... и едва затронутое человеческой мыслью. К этому подходили величайшие натуралисты и не входили за заветный круг - Линней, Дарвин, Бюффон, Эренберг, Гексли, К.Э. фон Бэр, А.Брандт, философ Спенсер... Мне кажется, я зашел за нетронутую черту - вступил туда и как зачарован"⁷⁸.

Переступив "черту", Вернадский чувствовал "как-то себя все больше абстрактно в Париже, как будто живу своей идеей". Той идеей, которую в сущности никто не только не разделял, но и не понимал. Немногочисленные анализы "живого вещества" он был вынужден заказывать "на стороне" - в России, ибо только там сумел найти нескольких помощников (директор Шатиловской опытной станции А.Н.Лебедев, молодой Ф.Г. Добржанский, старый ученик А.П.Ненадкевич). Летом 1925 г. на биостанции в Роскове (Бретань) помогала дочь Ниночка, но, конечно, необходимого размаха экспериментальных исследований не было.

Несколько небольших статей с изложением полученных результатов Вернадский поместил во французских научных журналах⁷⁹, но знал, что их сочли как минимум "странными". Рецензии на французское издание "Геохимии" были весьма сдержанные. 26 февраля 1925 г. Henry de Varigny в "Journal de Débats" оценил "La Géochimie" как неясную сумбурную книгу, в которой слишком много всего. 26 ноября в той же газете несколько колонок было посвящено статье Вернадского "Автотрофность человечества", незадолго до того опубликованной "Revue General des Sciences". И на сей раз вердикт был довольно суровым - статья признана привычно непонятной. "Nature" сухо откликнулась на "Геохимию" только в 1931 г.⁸⁰ Словом, казавшиеся Вернадскому пионерскими работы в Европе "не заметили". Оставалось утешаться тем, что в истории науки такое случалось нередко.

Между тем, как раз в момент получения денег от Розенталя истекал официальный срок командировки Вернадского от Российской Академии Наук (1 мая 1924 г.). 28 мая его родное физико-математическое отделение Академии в ответ на просьбу о продлении постановило: "Считать срок командировки 1 мая оконченным, предоставив академику В.И.Вернадскому для переезда в Ленинград срок до 1 сентября с.г. с тем, чтобы по истечении означенного срока в случае неприбытия академика В.И.Вернадского занимаемая им кафедра считалась свободной"⁸¹. Ученый совет Радиевого института, где Вернадский директорствовал до командировки, просил возвратиться в Ленинград к 1-му июня 1924 г. 17 июля уже сама Конференция РАН за подписью президента А.П.Карпинского ультимативно требовала: "Ваше возвращение к 1 сентября настоящего года необходимо. В случае, если бы вы не пожелали тем не менее вернуться к 1 сентября, Академия, к сожалению, не может считать Вас в числе своих действительных членов, сохраняя Вас только в числе лиц, носящих звание академика. Квартира Вами ранее занимаемая должна быть передана другому члену Академии"⁸². И, наконец, 3 сентября постановление физико-математического отделения провозгласило: "Положено: признать, что В.И.Вернадский с 1 сентября сохраняет только звание академика"⁸³. Академия сама сделала то, на что еще не решались советские наркомпросовские чиновники.

РОЗЕНТАЛЬ ОТКАЗАЛ

Отсчет годового срока "гранта Розенталя" начинался в сентябре 1924 г., но уже в мае 1925 г. Вернадский получил предупреждение С. Леви о возможных перебоях с финансированием из-за "застоя" дел Розенталя⁸⁴. Искусственный японский жемчуг все более вытеснял натуральный, делая его добычу нерентабельной; французская валюта всюду атаквалась на мировых биржах англо-американцами; наконец, в самой Франции после прихода к власти Левого блока значительно усилилась инфляция. В глазах же занятого своей работой Вернадского все выглядело несколько проще: "Как будто Р[озенталь] хочет смошенничать и миллиона не будет"⁸⁵. Однако в очередной раз неопределенность будущего становилась актуальной.

Российская Академия наук строками официальных решений и устами друзей и коллег продолжала требовать возвращения Вернадского в Ленинград к 200-летнему академическому юбилею в сентябре 1925 г. Отвечая отказом, академик ссылался на перспективы продления субсидии Розенталя, но замечал, что возможен и негативный ответ: "В комитете фонда есть течение, принципиально возражающее против продления дотации"⁸⁶.

Последнее обстоятельство, возможно, было подогрето не только конкуренцией и "патриотизмом", но и чисто политическими обстоятельствами, в которые летом 1925 г., при подготовке празднования юбилея РАН - фактически первого после 1917 г. международного научного форума в России, оказались вовлечены многие ученые. Еще в конце мая за подписью С.Ф.Ольденбурга РАН направила приглашения на юбилей для Institut de France, объединявшему 5 академий - Французскую Академию (La Académie Française), Академию надписей и словесности (La Académie des Inscriptions et des Bellés-Lettres), Академию наук (La Académie des Sciences), Академию моральных и политических наук (La Académie des Sciences Morales et Politiques) и Академию изящных искусств (La Académie des Beaux Artes). Однако на заседании Академии моральных и политических наук Александр Мильеран, член Академии и только что вынужденный уйти в отставку

президент Франции, прочитав фрагменты из опубликованной в 1924 г. на русском языке книги С.Ф.Ольденбурга "Европа в сумерках. На пожарище войны: Впечатления от поездки в Германию, Англию, Францию летом 1923 г.", утверждал, что они демонстрируют антифранцузские настроения русского академика с немецкой фамилией. Действительно, название записок Ольденбурга - "Европа в сумерках" - недвусмысленно прочитывалось как ответ знаменитому Герберту Уэллсу, после поездки в Россию в 1920 г. выпустившему книгу "Россия во мгле", и в этом смысле книга непрямого секретаря содержала некий вызов Старому Свету в целом.

Мильеран прямо заявил, что юбилейное приглашение Российской Академии подписано франкофобом и большевиком, и после такого демарша большинство его коллег предпочли не отвечать на приглашение русских ученых - обвинение в непатриотизме было самым весомым в послевоенной Европе. Вслед за Академией моральных и политических наук еще два отделения Institut de France поступили также и только La Académie des Inscriptions et des Bellés-Lettres и La Académie des Sciences, многие члены которых состояли почетными членами и членами-корреспондентами РАН, все же решили направить поздравления, но и только.

Одновременно влиятельная в академической и ученой среде "Journal de Débats" опубликовала статью некоего "Веракса"⁸⁷, обвинявшего РАН в "прислуживании" Советской власти, в подтверждение чему приводились выдержки из речей академика А.Е.Ферсмана и все того же С.Ф.Ольденбурга. В ответ 27 июня В.И.Вернадский выступил в "Journal de Débats" с письмом в защиту русской науки, в котором категорически заявлял, что Российская Академия продолжает служить науке и только ей, что она верна своим принципам, пользуется прежней автономией, а отдельные выступления С.Ф.Ольденбурга и А.Е.Ферсмана - их личное дело. Однако редакция "Journal de Débats" в постскрипуме к письму Вернадского заметила, что остается при прежнем мнении: автономия РАН - пустой звук. Несмотря на ответ С.Ф.Ольденбурга: "Нота разлада и недоверия, которая прозвучала в "Journal de Débats" внушена, думается мне, политическими соображениями"⁸⁸, результат был достигнут - Франция и французская наука

проигнорировали юбилей Российской Академии, а позиция Вернадского приобрела в глазах многих коллег "красноватый" оттенок.

Его стремление оставаться на позициях "чистой науки", "над схваткой" отталкивало и ряд влиятельных французских ученых, чьи левые, социалистические симпатии стимулировали развитие официальных связей с Советской Россией, тем более, что дипломатические осенью 1924 г. были восстановлены.

И уже в октябре 1925 г. С.Леви принимал у себя дома совнаркомовского патрона русской науки - управляющего делами СНК СССР Н.П.Горбунова и обсуждал с ним план создания Французско-русского общества по устройству культурных и научных связей. Неопределенный "вольный" статус Вернадского был хорош в 1922 г., в 1925 г. он уже не добавлял ему сторонников в политизированной Франции.

К концу июня 1925 г. Вернадский получил официальное уведомление о предоставлении отчета Комитету Фонда⁸⁹ и задумал его как книгу "La matière vivante dans la biosphère", впервые вводящую в научный оборот формулы размножения жизни. Книги не получилось; 8 ноября была закончена статья-отчет, переданная С.Леви накануне заседания⁹⁰. Значение этого текста сам Вернадский определил так: "Это самое значительное, что я дал в жизни ... и я думаю, что я дал то, к чему до сих пор никогда не подходило человеческое сознание. Моя статья результат моей интенсивной мысли - она была написана сразу - но она была вынянчена мною. Мне сейчас удалось не только дать простые формулы размножения, вычислить процесс размножения (напр. число поколений в сутки для инфузорий), исходя только из размеров организма, но подойти к новым понятиям и думаю доказать, что размножение организмов во всех его частностях есть функция газового обмена, и окружающие нас проявления размножения есть проявления дыхания организмов"⁹¹.

Несмотря на высокую самооценку, полностью текст отчета при жизни Вернадского так никогда и не публиковался⁹², хотя попытки издать его предпринимались; С. Леви, которому отправили рукопись, сообщил: "Господин Розенталь не готов в настоящее время дать средства на печатание ежегодных

отчетов и размер этой работы не позволяет ее представлять под научный журнал"⁹³.

В ноябре 1925 г. Фонд Розенталя в новой дотации Вернадскому отказал. Другой русский ученый - И.И.Иванов, занимавшийся проблемой искусственного оплодотворения между приматами и чьи работы в Африке частично финансировались Институтом Пастера, также собирался просить денег в Фонде. Записывая об этом в дневнике, Вернадский отметил не без мысли о собственной судьбе: "Большевики очевидно ему дадут деньги"⁹⁴.

Альтернативы не было и в декабре Академия наук теперь уже СССР информировала управляющего делами СНК СССР Н.П.Горбунова о желании академика В.И.Вернадского вернуться на родину и просила: "Надо создать условия"⁹⁵. В марте 1926 г. Вернадский приехал в Ленинград, а еще через год Комиссия СНК СССР по содействию работам АН СССР приняла решение о создании специально для него Биогеохимической лаборатории⁹⁶. Круг замкнулся. Набиравший силу сталинский социализм продемонстрировал свою заинтересованность в "Зубрах"; расчет М.Н.Покровского оправдался, договор заключен и академик В.И.Вернадский украсил собой пантеон советской науки. Более чем полувековой давности история его отношений с Фондом Розенталя сегодня прочитывается удивительно современно и даже служит притчей-назиданием в устах некоторых российских историков науки, демонстрируя "сколь важна государственная поддержка фундаментальных исследований и как ненадежны упования на развитие отечественных исследований за счет иностранного финансирования"⁹⁷. Традиция зависимости и безразличия российской науки к финансирующей власти продолжается.

P.S.

После возвращения Вернадского в СССР, Фонд Розенталя еще некоторое время продолжал поддержку научных исследований. Известно, что поздней осенью 1926 г. В.К.Агафонов получил "премию" в 10 000 франков для составления почвенной карты Франции⁹⁸. В декабре 1926 г. он сообщал, что

"Леонард Розенталь дал новый миллион (вернее проценты) для вознаграждения ученых, изучающих рак"⁹⁹. Последняя известная нам запись Вернадского о Л.Розентале датирована 21 сентября 1932 г. и сделана в письме сыну из Франции: "Между прочим, Л.Розенталь, который тогда мне помог ("жемчужный король") на границе разорения: он связан с роскошью. Обещанные 60 000 fr. в год на научную работу перестал давать"¹⁰⁰.

Розенталью не удалось стать ни Ротшильдом, ни Нобелем. Во второй половине 1930-х годов, незадолго до прихода нацистов во Францию, он вынужденно бежал сначала в Португалию, затем в Бразилию, и в 1940 г., наконец, осел в Нью-Йорке, где его контора располагалась на знаменитой Fifth Avenue. Скончался "король жемчуга" 16 июля 1955 г. и погребен 19 июля в Беверли Хиллс (Калифорния)¹⁰¹.

¹ Марина Цветаева Собрание сочинений в 7 т. Т. 6: Письма. М.: Эллис Лак, 1995. С. 728-729 (7 марта 1925 г. О.Е.Колбасиной-Черновой).

² Там же.

³ Там же. С. 672.

⁴ Пользуясь случаем, приношу самую искреннюю благодарность за помощь в работе Е.И.Лубянской и профессору Ж. Брейару (Франция). Работа с документами В.И.Вернадского в Бахметевском архиве Колумбийского университета (США) стала возможна благодаря гранту Программы Фулбрайт (США), а в целом проведена в рамках исследований, поддержанных грантами Российского Фонда гуманитарных исследований (№ 98-03-04309) и Московского общественного научного фонда (№ 149 история/грант-98).

⁵ Вернадский В.И. Дневники: Март 1921 - август 1925 / Сост. В.П.Волков. М.: Наука, 1998 (далее - Дневники 1921-1925).

⁶ АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 46. Л. 20.

⁷ Статус "научной командировки" от Российской Академии наук означал, что за ученым сохраняются все должности и привилегии, положенные ему как академику (ведомственная квартира, академическое жалование и т.д.).

⁸ ГАРФ. Ф. А 2307. Оп. 1. Д. 212.

⁹ Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Columbia University (далее - BAR). Vernadsky Coll. Box (далее - b.) 13.

¹⁰ Вернадский В.И. Дневники: 1917-1921. [Кн. 1]: Октябрь 1917 - январь 1920 / Сост. С.Н.Киржаев, А.В.Мемелов, В.С.Неаполитанская, М.Ю.Сорокина. Киев: Наукова Думка, 1994. С. 62 (далее - Дневники 1917-1920).

¹¹ BAR. Vernadsky Coll. B. 13.

¹² АРАН. Ф. 518. Оп. 1. Д. 162.

¹³ BAR. Vernadsky Coll. B. 13. Фрагменты текста "крымского сна" Вернадского многократно издавались. Публикацию полного текста см.: Вернадский В.И. Дневники: 1917-1921. [Кн. 2]: Январь 1920 - март 1921 / Сост. С.Н.Киржаев, А.В.Мемелов, В.С.Неаполитанская, М.Ю.Сорокина. Киев: Наукова Думка, 1997. С. 30-51 (далее - Дневники 1920-1921).

¹⁴ Дневники 1920-1921. С. 32.

¹⁵ Там же. С. 37.

¹⁶ См.: Мирзоян Э.Н. От редактора / Ф.Т.Яншина Эволюция взглядов В.И.Вернадского на биосферу и развитие учения о ноосфере. М.: Наука, 1996. С. 3.

¹⁷ Разумеется, излагаемые далее штрихи социальной доктрины Вернадского именно таковыми и являются, абсолютно не претендуя на законченность рисунка.

¹⁸ Дневники 1920-1921. С. 102.

¹⁹ BAR. Vernadsky Coll. B. 228 (письмо И.И.Петрункевичу).

²⁰ Ibid.

²¹ АРАН. Ф. 518. Оп. 1. Д. 162. Л. 2.

²² Дневники 1920-1921. С. 107.

²³ В.И.Вернадский "Царство моих идей впереди..." (Из записей 1931 года) / Публ. И.И.Мочалова // Природа. 1990. № 6. С. 99.

²⁴ АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 4. Л. 167. Эта запись не включена в издание "Дневников 1921-1925".

²⁵ BAR. Vernadsky Coll. B. 13 (письмо И.И.Петрункевичу).

²⁶ См. ходатайство Вернадского в РАН от 6 декабря 1921 г.: ГАРФ. Ф. А 2307. Оп. 1. Д. 212. Л. 7-8об.; а также: АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 76 Л. 14-17; Ф. 411. Оп. 3. Д. 39. Л. 15.

²⁷ ГАРФ. Ф. А2307. Оп. 1. Д. 212. Л. 9-9об. Аналогичное письмо С.Ф.Ольденбурга зав. Петронаукой М.П.Кристи опубликовано: Организация науки в первые годы Советской власти (1917-1925). Л., 1968. С. 382-383.

²⁸ К перечисленным выше чертам "политического лица" Вернадского добавим его кратковременный арест в июле 1921 г.

²⁹ ГАРФ. Ф. А 2307. Оп. 1. Д. 212. Л. 2.

³⁰ АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 76. Л. 7.

³¹ Мочалов И.И. Репрессированная наука: становление феномена (1917-1922 гг.) // Философские исследования. 1993. № 3. С.116-117.

³² BAR. Vernadsky Coll. В. 12 (письмо сыну).

³³ Изданы только сейчас: В.И.Вернадский Труды по геохимии. М.: Наука, 1994.

³⁴ BAR. Vernadsky Coll. В. 12 (письмо сыну).

³⁵ См.: Любина Г.И. Россия и Франция: История научного сотрудничества (вторая половина XIX - начало XX в.). М.: Янус, 1996; а также: Русско-французские научные связи / Публикация А.Т.Григорьяна и А.П.Юшкевича при участии Т.Н. Кладо и Ю.Х.Копелевич. Л.: Наука, 1968 (далее - Русско-французские научные связи).

³⁶ Подробнее см.: Юшкевич А.П., Яншина Ф.Т. В.И.Вернадский и ученые Франции // Вопросы истории естествознания и техники. 1991. № 2. С. 80-91.

³⁷ Письма М.Кюри В.И.Вернадскому см.: АРАН. Ф. 518. Оп. 3а. Д. 144.

³⁸ Русско-французские научные связи. С. 105-107.

³⁹ Международные научные связи Академии наук СССР. 1917-1941. М.: Наука, 1992. С. 45..

⁴⁰ Дневники 1917-1920. С. 204; BAR. Vernadsky Coll. В. 85 (письмо чешскому геологу Ф.Славику).

⁴¹ BAR Vernadsky Coll. В. 165. F. "Miscellaneous, Related Materials - 2".

⁴² BAR Vernadsky Coll. В. 13.

⁴³ BAR Vernadsky Coll. В. 86. F. 1923-4. Подробнее см.: Колчинский Э.И., Козулина А.В. Время выбора: почему В.И.Вернадский вернулся в Советскую Россию? // Вопросы истории естествознания и техники. 1998. № 3. С. 3-25.

⁴⁴ BAR Vernadsky Coll. В. 86. F. 1923-4.

⁴⁵ BAR Vernadsky Coll. В. 86. F. 1924-1.

⁴⁶ BAR Vernadsky Coll. В. 12.

⁴⁷ Мемуары В.К.Агафонова под названием "Личные впечатления и воспоминания о Владимире Ивановиче Вернадском", опубликованные в 1946 г. в эмигрантском журнале "Новоселье", были включены в 11 выпуск "Очерков по истории геологических знаний", посвященный жизни и творчеству В.И.Вернадского (М., 1963. С. 107-123). С. 107.

⁴⁸ BAR Vernadsky Coll. В. 76.

⁴⁹ См.: История полувековой дружбы / Публ. А.Сергеева и А.Тюрина // Минувшее: Ист. альманах. Вып. 18. М.; СПб., 1995. С. 386. Возможно, не обошлось без Агафонова, который был хорошо знаком с М.Н.Покровским, и успешное завершение оформления выезда Вернадского с семьей. Невозможно утверждать, что Агафонов просил Покровского за Вернадского, да и мотивация замнаркома должна была иметь преимущественно расчетливо-политический характер, тем не менее исключить возможность участия Агафонова в этом поручительстве нельзя. См.

удивительно теплое и романтическое письмо Агафонова Покровскому осени 1917: ГАРФ. Ф. 508. Оп. 1. Д. 87. Л. 8.

⁵⁰ ГАРФ. Ф. 508 (Агафонов). Оп. 1. Д. 3. Л. 1-4.

⁵¹ См.: Rosenthal Leonard. *Mémoires d'un chercheur de perles*. Paris, Deux Rives, 1949; *The Pearl Hunter, an Autobiography*. Transl. from the French by Berma Briffault. Illustr. by Rachel Rosenthal. New York: H.Schuman, 1952; *The Pearl and I*. New York: Vantage Press, 1955.

⁵² См.: Кельнер Е.В., Познер В. Комитет помощи русским писателям и ученым во Франции. (Из архива Соломона Познера) // *Russian Studies*. СПб., 1994. Т. 1. С. 269-320. Среди тех, кто получал ссуды Комитета - Г.Адамович, М.Цветаева, А.Ремизов, К.Бальмонт, А.И.Куприн, В.К.Агафонов, П.Н.Милюков, С.И.Метальников и др. См. также характеристики Розенталя: Бунин И.А. *Собрание сочинений в 6-ти т.* Т. 6. М.: Худ. лит-ра, 1988. С. 411, 434; *Письма К.Д.Бальмонта к Дагмар Шаховской / Публ., вст. ст., прим. Ж.Шерона*// *Звезда*. 1997. № 8. С. 165-166.

⁵³ Rosenthal L. *The Pearl Hunter*. P. 131-132.

⁵⁴ Любина Г.И. *Формирование основ научной политики во Франции: (с начала XX в. до второй мировой войны)*. М.: Наука, 1980. С. 83.

⁵⁵ Там же. С. 85-88.

⁵⁶ Там же. С. 145.

⁵⁷ Rosenthal L. *The Pearl Hunter*. P. 133.

⁵⁸ Ibid. P. 134.

⁵⁹ Ibid. P. 157-159.

⁶⁰ BAR Vernadsky Coll. B. 12.

⁶¹ Rosenthal L. *The Pearl Hunter*. P. 159.

⁶² BAR Vernadsky Coll. B. 12.

⁶³ Ibid.

⁶⁴ BAR Vernadsky Coll. B. 15.

⁶⁵ Ibid.

⁶⁶ Ibid. B. 12.

⁶⁷ Ibid.

⁶⁸ Отметим, что "старый" французский физик Пьер Вейсс был моложе Вернадского на 2 года.

⁶⁹ BAR Vernadsky Coll. B. 12.

⁷⁰ *Дневники 1921-1925*. С. 139.

⁷¹ BAR Vernadsky Coll. B. 12.

⁷² Ibid.

⁷³ Ibid. B. 228.

⁷⁴ *Дневник 1921-1925*. С. 135.

-
- ⁷⁵ BAR Vernadsky Coll. B. 12.
- ⁷⁶ Переписка В.И.Вернадского с Б.Л.Личковым. 1918-1939. М.: "Наука", 1979. С. 38-39.
- ⁷⁷ Дневники 1921-1925. С. 201.
- ⁷⁸ BAR Vernadsky Coll. B. 12.
- ⁷⁹ См.: Sur la representation de la composition chimique de la matière vivante // *Compte rendu hebdomadaire des séances de l'Académie des Sciences*. Paris. 1924. Т. 179. P. 1215-1217; Sur la pression de la matière vivante dans la biosphère // *Ibid.* 1925. Т. 180. P. 2079-2081; публикация наиболее полного комплекса работ в: Вернадский В.И. Живое вещество и биосфера / Сост. Ф.Т.Яншина. М.: Наука, 1994.
- ⁸⁰ Vol. 127. L. 1931. P. 368-369.
- ⁸¹ АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 76а. Л.1.
- ⁸² Там же. Л. 2; Ф. 411. Оп. 3. Д. 39. Л. 45.
- ⁸³ Там же. Ф. 411. Оп. 3. Д. 39. Л. 49.
- ⁸⁴ Там же. Ф. 518. Оп. 3а. Д. 149. Л. 2.
- ⁸⁵ BAR Vernadsky Coll. B. 12.
- ⁸⁶ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 726. Л. 23-24об.
- ⁸⁷ Полагали, что под ним скрывался Григорий Алексеевич Алексинский (1879-1967) - социал-демократ, плехановец, один из руководителей Каприйской школы, с 1918 г. находившийся в эмиграции во Франции.
- ⁸⁸ Архив внешней политики Российской Федерации Министерства иностранных дел РФ. Ф. 82 (Полпредство в Германии). Оп. 8. Д. 165. Папка 127. Л. 73.
- ⁸⁹ Там же. Оп. 2. Д. 76а. Л. 17.
- ⁹⁰ BAR Vernadsky Coll. B. 12.
- ⁹¹ *Ibid.*
- ⁹² Частично его материалы вошли в статьи В.И. Вернадского на русском и французском языках, опубликованные в 1920-ые годы. Недавно отчет опубликован: Вернадский В.И. Живое вещество и биосфера / Сост. Ф.Т.Яншина. М.: Наука, 1994. С. 555-602.
- ⁹³ АРАН. Ф. 518. Оп. 3а. Д. 149. Л.1-1об. См. также письмо Агафонова: АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 4г. Л. 20 об.
- ⁹⁴ Дневник 1921-1925. С. 141. Большевики действительно дали деньги И.И.Иванову.
- ⁹⁵ АРАН. Ф. 411. Оп. 3. Д. 39. Л. 53-53об.
- ⁹⁶ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 5. Л. 21-25.
- ⁹⁷ Колчинский Э.И., Козулина А.В. Указ. соч. С. 23.
- ⁹⁸ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 4г. Л. 10.
- ⁹⁹ Там же. Л. 11.
- ¹⁰⁰ BAR Vernadsky Coll. B. 12.

¹⁰¹ Некролог см.: Андрей Седых Памяти Л.Розенталя // Новое Русское Слово. 1955. 19 июля.

С. 3-4.